

Свет родного очага

Рассвет жизни уроженки Лямбиря Рясими Алиевны Грошевой пришелся на пору тяжелого послевоенного лихолетья. Третий ребенок в семье – «золотая серединка» – и первая дочь, помощница матери. Детям войны довелось многое пережить. Нашему поколению, выросшему в мире и достатке, их полуголодное, босоногое детство видится куцем и обездоленным. Может быть. Но не несчастным. Потому что вокруг царило добро, и люди всем миром навалились на беду под названием «послевоенная нищета». Мама, Мяфтяха Садретдиновна, скромная, богобоязненная женщина, работала в тылу, с утра до ночи гнула спину на колхозном поле. А они, крошечные сестры Рясимя и Ряйся, ей помогали! Отец, Али Сафиуллович Богапов, был механиком в колхозе. До сих пор пронизывают ее холодом воспоминания о длинной зимней дороге, когда возвращались они на подводе из Саранска с провиантом взамен на дрова для городского военного госпиталя. Или окутывает сырость предрассветного тумана, когда еще до утренней зорьки выходили из дому и пешком добирались до города, где вместе со взрослыми торговали простоквашей, молоком... Но даже сейчас, после всего пережитого, согревает ее неостывающее тепло родного очага.

Будущее для озорной, боевой девчонки Рясими Богаповой было непаханым полем для свершений, интересных открытий. И в этом ее стремлении вперед ключевую роль сыграла личность деда – Садретдина Галямшина, крестьянина и большевика по убеждениям, которые он сочетал в себе с прогрессивностью взглядов. Отчетливо понимая, что стране нужны образованные специалисты, он всеми силами способствовал тому, чтобы дети учились. И своего достиг – они стали заметными людьми на селе. Али инженером, мамы сестры Саня и Няимя – учителями, Сафиулла окончил музыкальное училище...

Весьма колоритной и загадочной для юной Рясими была бабушка Фатма – арабского происхождения, из состоятельного семейства, владевшего пароходством и занимавшегося перевозкой соли. Неисповедимый Божий промысел забросил четырнадцатилетнюю Фатму в наши края и соединил с дедом Рясими Сафиуллой Богаповым... Помнит бабушкины кованые сундуки. Недоступные, и оттого еще более притягательные, но вездесущий любопытный девичий глаз все же зацепил взглядом ее «волшебные» наряды – длинные красивые платья, которые Рясимя сразу же окрестила бальными, шелковые чулки красочных расцветок, изящные шнурованные ботинки на

каблучках... Но все это было предано забвению и заперто не только на большой замок. Время, когда строили «..наш, новый мир..», наложило суровую печать молчания на уста бабушки Фатмы, заставляя скрывать богатое приданое и знатное происхождение. И оно не спасло ее от той чаши трудностей, которую она испила до дна, когда умер глава семейства Сафиулла, и ей, вдове, твердой рукой пришлось вести этот громадный семейный корабль, наполненный детьми, внуками, невестками и зятьями, по бурным волнам довоенной жизни.

Достойна славных предков

Рясимя Алиевна сумела стать достойным потомком своих неординарных предков. Училась она еще в первой, деревянной одноэтажной школе в лощине над оврагом, где шумят ныне густыми кронами гордые высоченные тополя. А посадили их ученики той школы, и среди них – Рясимя Богапова. Много воды утекло с тех пор, но каждый год Рясимя Алиевна приходит к одному, как к старинному другу, поверить свои тайны и отогреть озябшую душу. На миг она оказывается в чудесной стране детства и мысленно беседует с любимыми учителями, воскрешает в воображении светлые образы друзей-одноклассников, иные из которых уже «ушли неслышной поступью»... Вновь ощущает сердцем горечь послевоенной поры... Всплывает в памяти первое кино, которое показали на селе – и миг жуткого страха, когда прямо на них, малышей, несся с экрана большой грозный паровоз. И пленные немцы, перебиравшие картошку на старом складе, – жалкие, в ветхих шинелях, лохматых шалях, с больными глазами и костлявыми руками...

Со светлой улыбкой вспоминает и первые шаги трудового пути: как будучи резвой, живой натурой, искала выхода в такой же живой, активной работе. Ей хотелось приносить пользу людям, общаться, быть в гуще событий. Молодое, открытое всему новому сердце, тянулось к ритмичному биению бытия. А уж где пульс стремительности тогдашней жизни мог слышаться так отчетливо, как не в сельском почтовом отделении?! Туда и направила свои стопы энергичная Рясимя, прихватив с собой подругу.

В Сирии было спокойно

Дружба с будущим летчиком, соседом и одноклассником, Рашидом Грошевым переросла в большую светлую любовь. По окончании летного училища супругов Грошевых направили в Польшу. Четыре года, проведенные в этой стране, несмотря ни на что – братья-поляки из некоторых областей относились к советским людям как к оккупантам, – запомнились как хорошее время, наполненное духом «братства» боевых жен. В расквартированных частях устраивались вечера танцев, наполненные мелодиями песен Шульженко, Утесова, Кристалинской...

Дальше следовала Москва с бытовой неустроенностью коммуналки и вечной нехваткой денег – период, связанный с учебой мужа в Московской авиационной академии имени Жуковского. Даже первенца Рената пришлось отправить к бабушкам-дедушкам в Лямбировь. Затем были восемнадцать лет жизни в поселке Такмак, что в Киргизии. Новый этап их жизни оказался сравнительно коротким, но предельно насыщенным. В 1981 году как опытный инженер-технолог, знавший все тонкости летного дела, Рашид Билялович Грошев был направлен военным специалистом в Сирию. По воспоминаниям Грошевой, секретность была во всем. Жили они в местечке Дейр-Эз-Зор, недалеко от Дамаска. Жизнь в городе оживала лишь ночью, поскольку дневная жара не давала продохнуть. Она лишь иногда выбиралась на овощной рынок. Увидев в ней иностранку, местные женщины обступали ее и в простоте душевной, непонятно щебетали, трогали... Она лишь отчетливо различила: «Ажнаби! Ажнаби!» – «Иностранка». Ночью, в сопровождении водителя, бродила по вещевым базарам, набросив на себя паранджу, как сирийки, не снимавшие ее ни днем, ни ночью. Говоря о нравах жителей этой страны, Рясимья Алиевна подчеркивала исключительную доброту и радушие к приезжим, а также исключительную порядочность. За несколько месяцев она овладела устным разговорным арабским, но в первое время изъяснялась «на пальцах». Не зная языка, не умея прочитать ценников, протягивала пачки денег, из которых продавец брал лишь строго по цене. Эта кристальная честность во всем шла из богобоязненной души, возвращенной на традициях ислама.

- Я сроднилась душой с этими прекрасными людьми, достойными всяческого уважения, и очень переживаю за сирийцев, которые сейчас переживают трагические времена - говорит Рясимья Алиевна. - Какая же несправедливость - все эти войны и перевороты, приносящие материальный и политический барыш единицам, и беду миллионам!.. Воспоминания прошлого тенью мелькали на ее лице, вызывая то слезу, то улыбку...

Многим одарил ее Господь. Обаянием, добротой, характером, неиссякаемым оптимизмом, верой в высшую справедливость и в людей, а главное, огромным терпением, позволившим следовать за супругом из одной военной части в другую. Благодаря энергичной натуре, извечной женской мудрости и безграничной любви, она умела окрасить спартанскую жизнь романтикой и светлыми перспективами, создавать домашний уют.

Два брата-подполковника

Домой вернулись в 1983 году. Вскоре последовала демобилизация Рашида Биляловича, позволившая, наконец, сменить «кочевую» жизнь на «оседлую». Обосноваться решили в тогда еще советском Днепропетровске.

Семья, объединенная узами любви, отец, представший перед сыновьями неким героем-исполином, способствовали тому, что выросли из сыновей Рената и Руслана сильные и благородные личности. Авторитет отца был на такой высоте, что подрастающие братья не допускали и тени сомнения в том, что продолжат фамильную летнюю традицию. Так и случилось. Сейчас Ренат и Руслан военные. И оба дослужились до звания подполковника. Как и отец.

Трагедия в масштабах страны для Рясими Алиевны усугубилась личной невосполнимой утратой – в 1992 году покинул этот мир муж, с которым они вросли друг в друга корнями. Его кончина поделила жизнь на «до» и «после». Свой дальнейший полет она продолжала со сломанным крылом. Но дети подняли маму на свои крылья, и мало-помалу воспаряла духом Рясимья-апа Грошева-Богапова. Горечь утраты постепенно уступала место светлой памяти о любимом Рашиде. Хотя боль и осталась в ней до скончания века, вновь встречала она свою судьбу с открытым забралом, верой и надеждой.

Умида Яхина